

ИЗ УЧЕНИЯ АПОЛЛОНИЯ ДИСКОЛА О ГРАММАТИЧЕСКИХ ЛИЦАХ

Аполлоний Дискол, александрийский грамматик II в. н. э., принадлежит к числу наиболее выдающихся лингвистов, известных истории науки. Опосредованно или напрямую его идеи повлияли и продолжают влиять на развитие языкознания. Подобно тому как Цицерон называет Геродота «отцом истории», знаменитый немецкий языковед младограмматик Бертольд Дельбрюк в предисловии к «Сравнительному синтаксису индоевропейских языков» называет Аполлония «отцом синтаксиса».¹ Дельбрюк замечает, что Аполлоний «впервые учил многому (к примеру, об артикле и местоимении), что еще сегодня сохраняет значимость или на что еще сегодня ориентируются».² Приведу пример из учения Аполлония Дискولا о грамматических лицах.³

С точки зрения философии языка, категория лица, пожалуй, самая загадочная из грамматических категорий. Известно, что число компонентов той или иной грамматической категории варьируется от языка к языку. Например, чисел в латинском языке — два, в древнегреческом — три; падежей в латинском — шесть, в санскрите — восемь; грамматических родов в русском — три, в древнееврейском — два, и т. п. Категория лица представляет собой контраст на этом фоне: лиц всегда три, не больше и не меньше.⁴ При этом даже совершенно непонятно, каково было бы содержание понятия «четвертого лица», если бы оно существовало в языке.⁵ Вклад Аполлония Дискولا в разработку проблем, связанных с

---

¹ *Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen: In 3 Bde. Bd I. Strassburg, 1893. S. 8.*

² *Ibid. S. 10: «... Apollonios vieles zum ersten Mal gelehrt hat (z. B. über den Artikel und das Pronomen), das noch heute gilt oder woran man noch heute anknüpft. . . »*

³ К сожалению, мне была недоступна недавно появившаяся работа: *Brandenburg Ph. Apollonios Dyskolos: Über das Pronomen. Einführung, Text, Übersetzung und Erläuterungen. München; Leipzig, 2005.*

⁴ Перед нами своего рода иллюстрация на грамматическом материале идеи Николая Кузанского о совпадении абсолютного максимума и абсолютного минимума.

⁵ Любопытные рассуждения на эту тему см. в специальной главе «Person» ©Е. А. Поликарпов, 2007

лингвистическим понятием лица, не обходится молчанием в очерке Максимилиана Шернера,⁶ но подробно построения Аполлония не рассматриваются (более того, определения лиц по Аполлонию приводятся в латинском переводе Присциана⁷). Поскольку понятие лица принадлежит к важнейшим в европейской интеллектуальной истории, будучи ключевым для таких влиятельных областей знания, как, к примеру, юриспруденция и догматическое богословие, взгляды Аполлония заслуживают более детального анализа.

В статье известного слависта С. К. Булича «Лицо в грамматике» говорится: «Лицо, в грамматике — грамматическая категория, в индоевропейских языках свойственная только некоторым местоимениям (личным и притяжательным) и глаголу и выражающая в речи отношение между различными лицами. Если лицо говорящее приписывает известное действие или признак себе, то оно говорит в “первом лице” (*я иду, мы идем, я стар, мы стары* и т. д.); если действие или признак приписываются им тому лицу, к которому обращена речь, то речь идет во “втором лице” (*ты идешь, вы идете, ты стар, вы стары* и т. д.). Если предмет речи (понятие, о котором идет речь) не совпадает ни с одним из лиц, участвующих в разговоре, то о нем говорится в “третьем лице” (*брат идет, братья идут, брат стар, братья стары* и т. д.)».⁸ Справедливости ради следует отметить, что впервые в документированной истории европейской лингвистики такое определение каждого из трех грамматических лиц было дано Аполлонием в трактате «О местоимении» (Περὶ ἀντωνυμίας): “Ὁπερ ῥητέον ἐν μὲν τῇ περὶ ἑαυτοῦ ἀποφάσει, πρῶτον, εἶγε καὶ ἡ ἐν τοῖς ἐξῆς προσώποις ἀποφάσις ἐξ αὐτοῦ γίνεται· ἐν δὲ τῇ πρὸς ὄν ὁ λόγος ὑπὲρ αὐτοῦ, δεύτερον· ἐν δὲ τῇ μήτε προσφωνούση

Fourth Person» в кн.: *Jespersen O. The Philosophy of Grammar. London, 1955. P. 220–221.* По Есперсену, «no fourth person is thinkable», несмотря на попытку Раска усмотреть «четвертое лицо» в выражении типа *he beats him*, а именно в том, что обозначено через *him*. Действительно, это «лицо» не совпадает с «лицом» подлежащего, которое является третьим в данном случае; значит, оно — другое, но при этом не первое и не второе; следовательно, оно — четвертое. На мой взгляд, этот лингвистический софизм требует детального разбора, что, впрочем, выходит за рамки настоящей статьи.

⁶*Scherner M. Die sprachwissenschaftliche Kategorie «Person» in begriffsgeschichtlicher Sicht // Archiv für Begriffsgeschichte. 1983. Bd 27. S. 56–72.*

⁷*Ibid. S. 60.*

⁸Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. Т. 34. СПб., 1896. С. 864–865.

μήτε προσφωνομένη, τρίτον (p. 18, 19–22 Schneider).⁹ ‘То, что говорят в высказывании о себе, является первым лицом, поскольку и то высказывание, которое осуществляется в последующих лицах, происходит от него; вторым лицом является то, что говорят в высказывании, обращенном к тому, к кому направлена речь, о нем;¹⁰ третьим же лицом является то, что говорится в высказывании не о том лице, которое обращается с речью, и не о том лице, к которому обращаются с речью’.¹¹

Определение, данное Аполлоном трем грамматическим лицам, помимо того обстоятельства, что, по существу, совпадает с определением в статье Булича, интересно еще в ряде отношений.

Примечателен довод, которым Аполлоний обосновывает приоритет первого лица перед остальными, и в целом примечательно, что Аполлоний посчитал нужным привести обоснование того обстоятельства, что именно это лицо является и называется первым: εἶγε καὶ ἡ ἐν τοῖς ἐξῆς προσώποις ἀπόφασις ἐξ αὐτοῦ γίνεται (p. 18, 20 Schneider) — ‘поскольку и то высказывание, которое осуществляется в последующих лицах, происходит от него’.¹² Конечно, неискушенному в грамматических учениях человеку может показаться, что существующее распределение порядковых числительных между грамматическими лицами самоочевидно и иным быть не может. Однако эта уверенность несколько пошатнется при обнаружении, к примеру, такого, внешне парадоксального, факта: в древнеиндийской лингвистической традиции «первым лицом» (*prathama puruṣa*)

---

⁹ *Apollonii Dyscoli Quae supersunt (Grammatici Graeci, pars II). Vol. I, fasc. I. Apollonii scripta minora* / Ed. R. Schneider. Lipsiae, 1878.

¹⁰ Т. е. «в высказывании о том, к кому оно обращено».

¹¹ Буквальный перевод на русский язык приведенного отрывка был бы невразумительным. При переводе была сделана попытка устранить эллипсы и брахилогии (см. особенно определение третьего лица), которыми изобилует греческий оригинал, великолепно иллюстрируя возможную мотивировку прозвища грамматика (δύσκολος ‘трудный’).

¹² Ср. остроумную формулировку похожей мысли в эпigramме английского новолатинского поэта Джона Оуэна (John Owen, около 1560–1622; *Epigrammata*, 2, 93; *Joannis Audoeni Epigrammata* / Cura A. A. Renouard. Parisiis, 1794. P. 51):

Philautia

Tu persona secunda, ille ultima, prima ego: nostrum
Nemo tamen sibi non esse videtur ego.

называется наше — терминологически унаследованное от греков — третье грамматическое лицо.¹³ Возможно, эта кажущаяся очевидность главенства первого лица над остальными лицами — причина того, почему именно та часть определения Аполлония, в которой он формулирует обоснование приоритета, отсутствует в определении Булича. Также верным будет и то, что это обоснование довольно странно выглядело бы в контексте европейской школьной грамматической традиции, несмотря на ее генетическую связь с античной лингвистикой. Перед нами один из пунктов расхождения: как правило, мы понимаем «лицо» более узко и формализованно, чем греки, в частности Аполлоний. Но в лингвистике и литературоведении XX в. эта идея Аполлония пережила — в разных формах — второе рождение: правда, в большинстве случаев, по-видимому, была открыта заново. В качестве параллели из литературоведения можно привести понятие «имплицитного автора», определяемое как «повествовательная инстанция, не воплощенная в художественном тексте в виде персонажа-рассказчика и воссоздаваемая читателем в процессе чтения как подразумеваемый, имплицитный “образ автора”. По представлениям нарратологии, имплицитный автор (. . .) ответственен за обеспечение художественной коммуникации всего литературного произведения в целом».¹⁴

Еще одна черта определения, данного Аполлонием трем грамматическим лицам, в полной мере сохраненная в определении Булича, должна привлечь к себе внимание читателя, небезразличного к методологии научного знания. Это — отрицательный (апофатический) характер той части определения, которая относится к третьему грамматическому лицу: ἐν δὲ τῇ μῆτε προσφωνοῦσῃ μῆτε προσφωνομένη τρίτον (р. 18, 22 Schneider). Буквальный перевод этой фразы затруднен по причине брахилогии. ‘Третьим же лицом является то, что говорится в высказывании не о том лице, которое обращается с речью, и не о том лице, к которому обращаются с речью’. Дело в том, что, начиная с Аристотеля, традиционная логическая теория в разделе об определении понятий ре-

---

¹³ Второе лицо называется *madhyama* («среднее»), а первое — *uttama* («высшее»).

¹⁴ Ильин И. П. Имплицитный автор // Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник / Ред. и сост. И. П. Ильин и Е. А. Цурганова. М., 1999. С. 46.

комендует с большой осторожностью относиться к отрицательным определениям — как к таким, которые не раскрывают содержания понятия надлежащим образом. Это отношение варьируется от категорического запрета¹⁵ на подобные определения до их допущения только в одной (правда, очень важной) области научного знания, в математике. Что касается Аристотеля, то, как кажется, ни он сам в «Топике», ни его комментатор Александр Афродисийский не пришли к однозначному решению вопроса. Аристотель говорит: «... допускают ошибку, если род делят через отрицание, как, например, те, кто определяет линию как длину без ширины. Ведь это не означает ничего другого, как только то, что она не имеет ширины. Таким образом получается, что род причастен виду» («Топика», 143 b 11, пер. М. И. Иткина). Затем Аристотель заявляет: «В некоторых же случаях необходимо, пожалуй, пользоваться при определении и отрицанием, как, например в случаях лишенности. Ведь быть слепым — значит не иметь зрения, тогда как по природе его следует иметь. Но нет разницы, делить ли род через отрицание или через такое утверждение, которому необходимо противопоставлено отрицание, например, если нечто определяют как длину, имеющую ширину, ибо имеющему ширину противопоставлено не имеющее ширины, и ничто другое, так что род опять-таки делят через отрицание» (там же, 143 b 33, пер. М. И. Иткина, с изменением).¹⁶ Согласно комментарию Александра Афродисийского к указанному

---

¹⁵Ср. формулировку этого запрещения и его разъяснение у Радлова: «... следует избегать отрицательных определений: путем отрицания мы могли бы определить понятия только в том случае, если бы нам известны были все возможные понятия и их характеризующее содержание и путем отрицания выделялись бы все понятия, кроме одного определяемого. Так как это допущение довольно невероятное, то прибегать к отрицательному определению и не приходится» (Радлов Э. Л. Определение // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 22. СПб., 1897. С. 42); афористично и с введением дополнительного условия — «Definitions must not be in the negative when they can be in the affirmative» (Definition // The Encyclopaedia Britannica: 11th ed. Vol. 7. Cambridge, 1910. P. 927. Без указания автора).

¹⁶Фактический комментарий к этим двум положениям Аристотеля см. в кн.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник: 2-е изд. М., 1975. С. 468. Кондаков, в частности, говорит: «Но в тех случаях, когда не представляется возможным найти существенные признаки или когда отрицание наиболее ясно определяет границу данного предмета от других предметов данного рода, то отрицательные определения допустимы в качестве вспомогательных определений. Напр. (...) в математической логике понятие “пустой класс” — как класс, не содержащий элементов» (там же).

месту «Топики», длина, имеющая ширину (μῆκος πλάτος ἔχον), — это поверхность (ἐπιφάνεια).¹⁷

Надо отметить, что Евклид не принял во внимание эти доводы Аристотеля (да и сам Аристотель, к примеру, не дает другого определения линии, которое было бы более приемлемым, с его точки зрения), и в «Началах» содержатся отрицательные определения. Более того, самые первые фразы в трактате Евклида представляют собой отрицательные определения геометрических понятий, т. е. он начинает трактат с таких определений: σημεῖόν ἐστιν, οὗ μέρος οὐθέν (I, def. 1), γραμμὴ δὲ μῆκος ἀπλατές (I, def. 2). 'Точка — это то, у чего нет части'. 'Линия — это длина, не имеющая ширины'. Последнее определение — именно то, которое было не по вкусу Аристотелю. Наконец, отрицательным по существу является определение параллельных прямых: παράλληλοι εἰσιν εὐθεῖαι, αἵτινες ἐν τῷ αὐτῷ ἐπιπέδῳ οὔσαι καὶ ἐκβαλλόμεναι εἰς ἄπειρον ἐφ' ἑκάτερα τὰ μέρη ἐπὶ μηδέτερα συμπύπτουσιν ἀλλήλαις (I, def. 23) 'Параллельными являются прямые, которые, находясь в одной и той же плоскости и будучи продолженными до бесконечности в обе стороны, ни в одной из сторон не пересекаются'. Мы видели, что Аполлоний, подобно Евклиду, не избегает отрицательных определений. Вероятно, причина этого в приведенных примерах — элементарность, своего рода исходность определяемых понятий. Грамматическое лицо, как и, к примеру, геометрическая точка, принадлежат к простейшим понятиям соответственно грамматической и геометрической теории. (Кроме того, упоминавшаяся в начале статьи особенность лица как грамматической категории — лиц всегда три, не больше и не меньше — позволяет определить одно из них отрицательным способом.)¹⁸

Думается, что этот момент — отрицательный¹⁹ характер опреде-

---

¹⁷ *Alexandri Aphrodisiensis in Aristotelis Topicorum libros octo commentaria* / Ed. M. Wallies (Commentaria in Aristotelem graeca. Vol. II, pars II). Berolini, 1891. P. 448.

¹⁸ Как кажется, перед нами реализация в отдельном конкретном случае «невероятного» допущения Радлова, при котором, по его мнению, было бы возможно отрицательное определение, а именно — «нам известны... все возможные понятия и их характеризующее содержание», кроме искомого (то есть, в нашей ситуации, два лица из трех возможных). См.: Радлов Э. Л. Определение.

¹⁹ Вопрос об отрицательных определениях рассматривался в отечественной литературе в ст.: Уемов А. И. Проблема отрицательных определений // Логико-грамматические очерки / Редколл.: Л. Б. Вазенов, А. И. Уемов, В. Г. Фарбер. М., 1961. С. 59–66. Показательно категорическое заключение автора (с. 66): «... рациональный смысл правила, запрещающего отрицательные определения,

лений и элементарный характер понятий, получающих такие определения, в обеих науках — может служить очередной иллюстрацией соприкосновения грамматики и геометрии в античности (так же, как, к примеру, понятие пропорции (*ἀναλογία*), используемое в этих областях древнегреческой науки; а если прибегать к более далеким сравнениям, то — как понятие значимого отсутствия, которое используется древнеиндийской наукой как в лингвистике, так и в математике).²⁰

С точки зрения истории науки, отрицательное определение, данное Аполлоном третьему лицу (как, впрочем, и его определение первого и второго лица), выгодно отличается от приведенных в качестве примера отрицательных определений Евклида. Дело в том, что в случае Евклида нам неизвестно, какие ступени развития прошла научная мысль, прежде чем были сформулированы определения, зафиксированные в «Началах». В подавляющем большинстве случаев неизвестно, существовали ли какие-то конкурирующие определения, была ли какая-нибудь научная полемика, прежде чем эти определения стали общепризнанными, и т. д. Конечно, Аристотель критикует с точки зрения установленных им правил определения понятия определение линии, которое впоследствии мы находим в «Началах» Евклида. Но Аристотель не предлагает ничего взамен, никакого определения, которое было бы, с его точки зрения, более удовлетворительным.

Напротив, относительно определения Аполлония известно, что оно — результат полемики с теоретически более примитивным пониманием грамматических лиц, которое отразилось, в частности, в определении, содержащемся в *Ars grammatica* Дионисия Фракийского. Это определение как раз не является отрицательным ни в одной из своих частей. На тот факт, что теоретически более совершенное определение включает в себя отрицательный элемент, а исторически предшествующее ему, более примитивное, не вклю-

---

заключается лишь в том, что оно в некоторых случаях помогает выполнению правила соразмерности и правила ясности в определении. Однако это не является достаточным основанием для того, чтобы формулировать его как особое самостоятельное правило определения наряду с другими. Поэтому в интересах логической строгости правило, запрещающее отрицательные определения, из учебников логики следует исключить».

²⁰См.: *Топоров В. Н.* О некоторых аналогиях к проблемам и методам современного языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков // Краткие сообщения института народов Азии АН СССР. М., 1961. Вып. 56. С. 127–128.

чает, следует обратить внимание. Дионисий Фракийский говорит: Πρόσωπα τρία, πρῶτον, δεύτερον, τρίτον· πρῶτον μὲν ἀφ' οὗ ὁ λόγος, δεύτερον δὲ πρὸς ὃν ὁ λόγος, τρίτον δὲ περὶ οὗ ὁ λόγος (Ars grammatica, 13). 'Лиц — три: первое, второе, третье. Первое — это тот, от которого²¹ речь; второе — к которому речь; третье — о котором речь'. Итак, третье лицо определяется Дионисием через указание исключительно положительных признаков.

Аполлоний поясняет, почему такое определение — причем в каждой из своих частей — не может быть признано удовлетворительным. Он говорит: οὐ γὰρ ὑγιὲς τὸ λέγειν, ὅτι πρῶτον πρόσωπον τὸ ἀποφαινόμενον, καὶ ἔτι δεύτερον τὸ πρὸς ὃν ὁ λόγος, καὶ [τὸ] τρίτον <τὸ> περὶ τινος (p. 19, 1–2 Schneider) 'Не является здравым говорить, что высказывающееся — это первое лицо, а также — что тот, к которому речь, — это второе лицо, и что то, что о чем-то, — это третье лицо'. В обоснование этого заявления Аполлоний приводит три изумительных по диалектической глубине довода. Он показывает, что в прежнем определении первого лица (в определении Дионисия) названо недостаточное число существенных признаков. В самом деле, если первое лицо — это высказывающееся (τὸ ἀποφαινόμενον, τὸ λέγον,²² ἀφ' οὗ ὁ λόγος), и, надо полагать, высказываемое им принадлежит первому лицу, относится к его сфере, то формы всех личных местоимений (не только местоимение первого лица, но и второго и третьего), должны быть признаны первым лицом, если они содержатся в высказывании. Аполлоний выражает этот довод так: εἰ γὰρ τὸ πρῶτον πρόσωπον τὰς τρεῖς φωνὰς ἀποφαίνεται, ἐγώ, σύ, ἐκεῖνος, δῆλον ὡς καὶ πρῶτον τὸ λέγον εἰρήσεται, καὶ ἔτι [τὸ] δεύτερον καὶ [τὸ] τρίτον (p. 19, 2–5 Schneider). 'Ведь если первое лицо высказывает три²³ формы: я, ты, он, то ясно, что и говорящее лицо будет названо первым, а также второе и третье'. Φωνή — это термин стоической грамматики, унаследованный Аполлонием, обозначающий слово с точки зрения означаемого языкового знака (синоним вы-

²¹То, что относительное местоимение мыслится в мужском роде (тогда как «лицо» — πρόσωπον — среднего рода), видно по форме винительного падежа ὃν (πρὸς ὃν ὁ λόγος) в греческом оригинале. Это обстоятельство отмечено в комментарии Ж. Лалло, который сделал из него ряд выводов. Так, по Лалло, оно «montre que, sous couvert d'un accident grammatical, c'est une personne réelle qui est visée, dans ses fonctions de protagoniste de l'énonciation» (Lallot J. La grammaire de Denys le Thrace. Traduction annotée. Paris, 1989. P. 169).

²²Выражение из довода Аполлония, см. далее в тексте греческую цитату.

²³Т. е. формы личных местоимений всех трех лиц.

ражения *σημαῖνον*, противоположный термину *σημαινόμενον*, обозначающему слово с точки зрения означаемого языкового знака. Оба стоических термина вошли через посредничество Ф. де Соссюра в язык современной лингвистики (*signifiant* и *signifié*, «означающее» и «означаемое»).²⁴ Употребление Аполлонием именно этого термина в данном случае (*τὰς τρεῖς φωνὰς*) вместо, к примеру, термина *λέξις* или *ἀνωτονυμία* связано, по-видимому, с тем обстоятельством, что собственно означаемое слов «я, ты, он», а именно содержание понятий первого, второго и третьего лица, еще только устанавливается в ходе полемики, — искомое, а твердо установленные данные пока — личные местоимения только с формальной точки зрения. Довод подразумевает, по-видимому, следующее: любое высказывание исходит от говорящего (т. е. первого лица); допустим, первое лицо — это то, что в качестве высказывания исходит от говорящего; тогда, если говорящий использует в речи местоимения второго или третьего лица, они оказываются, в силу принятого допущения, первым лицом, а это — абсурд; значит, допущение неверно.

Предлагаемое понимание приведенного довода Аполлония (и его перевод) отличается от понимания издателя малых трактатов Аполлония в серии *Grammatici Graeci* Рихарда Шнейдера. Он понимал мысли Аполлония иначе. Это видно из того, что он удалил артикли во фразе *καὶ ἔτι [τὸ] δεύτερον καὶ [τὸ] τρίτον* (p. 19, 4–5 Schneider). Что касается понимания, предлагаемого мной, то наличие артиклей в данном месте ему не только не мешает, но даже способствует. При сохранении артиклей *τὸ λέγον, τὸ δεύτερον* и *τὸ τρίτον* — это однородные подлежащие, а *πρῶτον εἰρήσεται* — составное сказуемое, относящееся к каждому из них: «и говорящее лицо будет названо первым, а также второе и третье». Шнейдер, возможно, хотел, чтобы *πρῶτον, δεύτερον* и *τρίτον* входили в состав сказуемого как предикативная часть к *εἰρήσεται*: ‘говорящее лицо будет названо и первым, а также вторым и третьим’.²⁵ Кажется, это не то,

²⁴Прямых указаний, подтверждающих осознанность этого заимствования, в «Курсе общей лингвистики» не содержится. Впрочем, вероятность совершенно независимого появления этих терминов у Соссюра ничтожно мала. Вкратце о стойках как предшественниках Соссюра упоминает Т. Де Мауро (*De Mauro T.* Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре // Соссюр Ф., де. Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А. Сухотина. Екатеринбург, 1999. С. 286.)

²⁵Похоже, именно такое понимание предполагается пояснением Шнейдера к данному месту в его комментарии к малым трактатам Аполлония, вышедшем спустя двадцать пять лет после их издания: «19, 4: in his τὸ δεύτερον τὸ

что имел в виду Аполлоний. В пользу моего понимания дополнительно свидетельствует тот факт, что мысль Аполлония (р. 19, 2–5 Schneider), понятая таким образом, как это сделал я, оказывается попросту пояснением того положения, которое Аполлоний приводит в обоснование приоритета первого лица: πρῶτον, εἶγε καὶ ἡ ἐν τοῖς ἐξῆς προσώποις ἀποφασίς ἐξ αὐτοῦ γίνεται (р. 18, 19–20 Schneider) ‘Первое (лицо), поскольку и то высказывание, которое осуществляется в последующих лицах, происходит от него’.

Я думаю, что стремление Шнейдера изменить грамматическое строение фразы путем избавления от артиклей в указанных случаях вызвано желанием понять выражение τὸ πρῶτον πρόσωπον во фразе τὸ πρῶτον πρόσωπον τὰς τρεῖς φωνὰς ἀποφαίνεται, ἐγώ, σύ, ἐκεῖνος (р. 19, 3 Schneider) в смысле формы личного местоимения первого лица множественного числа (ἡμεῖς — мы), когда она семантически разложима на «я + ты + он». Некоторое основание для такого понимания может дать последующее изложение, в котором Аполлоний обсуждает семантику личных местоимений множественного числа, устанавливает их семантическую неоднородность и упоминает случай такого разложения: καὶ τὸ μὲν πρῶτον ἢ μετὰ δευτέρων ἢ τρίτων, ἢ καὶ μετὰ δευτέρων καὶ τρίτων (р. 19, 14–15 Schneider) ‘И первое лицо — либо вместе со вторыми лицами, либо вместе с третьими, или и вместе со вторыми, и вместе с третьими’.²⁶ То, что Шнейдер понял довод Аполлония против определения первого лица по Дионисию²⁷ в таком смысле, показывает его замечание о смысле довода: “Male primam dicunt esse eam quae loquatur; nam

---

τρίτων articuli admitti non possunt, quia δεύτερον et τρίτον praedicata sunt» (*Apollonii Dyscoli Quae supersunt* (Grammatici Graeci, pars II). Vol. I, fasc. II; *Schneider R. Commentarius criticus et exegeticus in Apollonii scripta minora*. Lipsiae, 1902. P. 40).

²⁶Т. е. либо «я + ты», либо «я + он», или «я + ты + он». Ср. ту же мысль в работе XX века: «... “мы” означает не “я + я”, а группу неоднородных предметов “я + ты” или “я + он”, т. е. коллектив, в который вхожу “я”...» (*Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка*. М., 1960. С. 185). При этом третья возможность («я + ты + он») у Тронского не указана. (Следует ли это понимать, как принципиальное несогласие или простое упущение, я не знаю.)

²⁷«Определением по Дионисию» условно названо определение лиц, критикуемое Аполлонием, так как оно совпадает с тем, которое содержится в трактате Дионисия; сам Аполлоний имени Дионисия в этой связи не называет. В действительности, с кем именно полемизирует Аполлоний — с конкретным ли ученым, или с тогдашними школьными представлениями вообще, — неизвестно. См. подробнее: *Lalot J. La grammaire de Denys le Thrace*. P. 168.

“nos” has tres voces “ego tu ille” complectitur.”²⁸ В свете такого понимания становится понятной фраза с удаленными артиклями: καὶ²⁹ πρῶτον τὸ λέγον εἰρήσεται, καὶ ἔτι δεύτερον καὶ τρίτον (p. 19, 4–5 Schneider) ‘О говорящем лице можно будет сказать, что оно и первое, а также второе и третье’. Впрочем, такое понимание, как кажется, ошибочно. Другое дело, что способность местоимения ἡμεῖς иметь такую семантику («я + ты + он») и свойство первого лица, согласно которому ἡ ἐν τοῖς ἐξῆς προσώποις ἀπόφασις ἐξ αὐτοῦ γίνεται (p. 18, 20 Schneider) — ‘то высказывание, которое осуществляется в последующих лицах, происходит от него’, по-видимому, находятся во внутренней связи. Пониманию Шнейдера препятствует (кроме грамматики фразы, из которой он вынужден удалять артикли, и связи мыслей в контексте: как уже было сказано, перед нами — раскрытие довода о приоритете первого лица) также значение глагола ἀποφάσκειν — «высказывать(ся)», а не «обозначать», «содержать в себе» или что-либо подобное. В целом, следует признать ответственной за затруднение и саму необычность мысли Аполлония для современного читателя, воспитанного на школьной грамматике: ведь родственный ей довод о приоритете первого лица опущен и в определении лиц у Булича, которое в остальном совпадает с определением Аполлония.

Довод против определения второго лица по Дионисию строится аналогичным способом: ἀλλὰ μὴν καὶ τὸ σὺ πρὸς ὃν ὁ λόγος· τί δέ; οὐχὶ καὶ τὸ ἐκεῖνος λέγεται πρὸς τινά; (p. 19, 5–6 Schneider) ‘Однако не является здравым говорить, что³⁰ и слово³¹ “ты” — это тот, к кото-

---

²⁸ *Apollonii Dyscoli Quae supersunt (Grammatici Graeci, pars II). Vol. I, fasc. I. Apollonii scripta minora / Ed. R. Schneider. Lipsiae, 1878. P. 19.* Ср. также пояснение Шнейдера в комментарии: «Nam cum prima persona (ἡμεῖς) tres illas voces ἐγώ, σὺ, ἐκεῖνος praedicet (vel complecti possit): sine dubio loquentem personam dicere licet et primam et secundam et tertiam 19, 2–5» (*Schneider R. Commentarius criticus... P. 39*).

²⁹ Что касается позиции частицы καὶ, которая в нашем случае, следуя непосредственно за союзом, открывает придаточное предложение, то такая позиция, как кажется, вполне естественна при любом истолковании фразы. «In καὶ ... καὶ, ‘both ... and’, the particle stands each time at the opening of phrase or clause. Exceptions are very rare» (*Denniston J. D. The Greek Particles: 2nd ed. Oxford, 1957. P. 327*).

³⁰ На мой взгляд, следует мысленно восстановить из предыдущего изложения слова οὐ γὰρ ὑγιᾶς τὸ λέγειν или что-то близкое по смыслу.

³¹ Формы местоимений субстантивированы при помощи артикля среднего рода.

рому речь. Что же? Разве и слово “он” не говорится в обращении к кому-то?’. Возможно, этот довод дошел до нас в сокращенном виде: ἐγώ («я») тоже употребляется в рассказе, обращенном к собеседнику, так что не только третье, но и первое лицо может быть определено как второе, по критерию Дионисия. На первый взгляд, аргументацию Аполлония в этом пункте можно дополнить и наблюдением над употреблением местоимения οὗτος в обращении ко второму лицу: ὦ οὗτος — что-то вроде «эй ты!».³² В действительности, пример из довода Аполлония и указанное употребление существенно различны. В выражении ὦ οὗτος адресат речи и лицо, обозначаемое через οὗτος, совпадают, тогда как в доводе Аполлония лицо, обозначаемое через ἐχεῖνος, явно осознается как третье и очевидно не совпадающее со вторым — лицом адресата речи. Задача Аполлония — показать, что если лицо, явно осознаваемое как третье (ἐχεῖνος), подпадает под (критикуемое) определение второго лица (λέγεται πρὸς τινά), то это определение — естественным образом — нуждается в усовершенствовании.

Такую же схему имеет довод против определения третьего лица по Дионисию: ὑπὲρ <τέ> τινος πᾶν τι πρόσωπόν [τε] ἐστί· πῶς οὖν περὶ τινος μόνον τό τρίτον, κοινῆς οὕσης τῆς λέξεως κατὰ πάσης οὐσίας; (р. 19, 6–8 Schneider) ‘Какое бы то ни было (πᾶν τι) лицо — о чем-то (о ком-то);³³ так, почему о чем-то (о ком-то) — только третье лицо, когда эта часть речи³⁴ является общей применительно ко всякой сущности?». оборот *genetivus absolutus κοινῆς οὕσης τῆς λέξεως κατὰ πάσης οὐσίας* представляет трудность для интерпретации.³⁵ Что касается термина οὐσία («сущность»), то в учении Аполлония о частях речи это — значение местоимения, в противоположность значению имени — ποιότης («качество»): οὐ γὰρ τὰ ἴσα παρακολουθεῖ τῷ ὀνόματι

³²См. многочисленные случаи в баснях Эзопа. Например: ὦ οὗτος, σὺ τὰ ἐν οὐρανῷ βλέπειν πειρώμενος τὰ ἐπὶ τῆς γῆς οὐχ ὀρθῶς; (Aes. Fab. 40 Perry).

³³Высказывание в любом из трех грамматических лиц содержит сообщение о чем-то; говоря «я» или «ты», мы высказываемся о чем-то в такой же степени, как и в случае, когда говорим «он».

³⁴Термин λέξις («слово») у грамматиков часто синонимичен выражению μέρος λόγου («часть речи»). См. примеры в индексе Шнейдера: *Apollonii Dyscoli Quae supersunt* (Grammatici Graeci, pars II). Vol. III. Lipsiae, 1910. P. 221. Здесь этот термин употреблен с определенным артиклем: «обсуждаемая в настоящий момент часть речи», т. е. местоимение (?).

³⁵Шнейдер предполагает порчу текста и предлагает исправление: «... fortasse οὐσίας nihil est nisi iteratum οὕσης quod praecedit, ut legendum sit κατὰ παντός» (*Schneider R. Commentarius criticus...* P. 40).

καὶ τῇ ἀντωνυμίᾳ. τὸ μὲν γὰρ ἀμοιρεῖ δεῖξεως, ποιότητά τε ἐπαγγέλλεται· αἱ δὲ δεῖξιν ἔχουσι μετὰ προσώπων ἀκολουθίας, οὐσίαν τε μόνον δηλοῦσιν (p. 9, 7–10 Schneider) ‘Ведь не одинаковые свойства сопутствуют имени и местоимению. Имя непричастно указанию и обозначает качество, у местоимений же, наряду с последовательностью лиц, есть способность указывать, и обозначают они только сущность’. Возможно, Аполлоний имеет в виду следующее: поскольку общее свойство местоимения как части речи — обозначать (обнаруживать, δηλοῦν) сущность, то во всех частных случаях (для формы первого и второго лица в такой же степени, как и для формы третьего лица) это значение должно сохраняться. Лица (πρόσωπα) — это частные случаи (или, точнее, сопутствующие моменты) сущности (οὐσία). Поэтому как всякое местоимение обозначает сущность, так и любое личное местоимение обозначает (неважно, какое) лицо.

Впрочем, не исключено и иное истолкование. Возможно, мысль, содержащуюся в этой фразе, следует понимать в том плане, что личное местоимение третьего лица (указательное, способное выступать в этой функции) употребляется также и в первом, и во втором (ср. ὃ οὗτος) лице. Например, ὃδ' ἐγώ («вот я»)³⁶ Тогда во фразе κοινῆς οὐσης τῆς λέξεως κατὰ πάσης οὐσίας под выражением τῆς λέξεως подразумевается форма личного местоимения третьего лица.

Итак, мы видим, что три довода Аполлония против определения лиц по Дионисию совершенно однородны: Аполлоний показывает, что под определение любого из трех лиц по Дионисию подпадают также и остальные лица. Иными словами, высказывание (ἀποφαίνομαι, ἀφ' οὗ ὁ λόγος), обращение (πρὸς ὃν ὁ λόγος), сообщение (περὶ οὗ ὁ λόγος) — это признаки, присущие одновременно каждому из трех лиц, поэтому для определения каждого лица в отдельности эти признаки не являются достаточными. Этот результат Аполлония имеет удивительную параллель в лингвистике XX в. Австрийский философ языка Карл Бюлер и находившийся под его воздействием систематизатор фонологии Н. С. Трубецкой

---

³⁶ Можно привести параллель из русского языка: «вот он я» и под. Ср. также по-гречески, к примеру: ὁ δὲ πάντων βασιλεὺς τῶν θεῶν εἰμι πρὸς τὸν καθρὸν ἀλλάξας ἑμαυτόν (Luc. Deorum dialogi IV, 1). Аполлоний обращает внимание на сочетания такого рода в трактате «О синтаксисе» (III §2–3 Uhlig). См.: *Apollonii Dyscoli Quae supersunt* (Grammatici Graeci, pars II). Vol. II. Apollonii Dyscoli De constructione libri quattuor / Rec. G. Uhlig. Lipsiae, 1910. P. 268.

развивали учение об экспрессии, апелляции и экспликации.³⁷ Трубецкой пишет: «Так как человеческая речь предполагает наличие говорящего, слушателя (или слушателей) и определенного предмета речи, о котором говорят, то каждое языковое выражение имеет три аспекта; оно является одновременно выражением (экспрессией), или характеристикой, говорящего, обращением (или апелляцией) к слушателю (или слушателям) и сообщением (или экспликацией) о предмете речи. Большая заслуга Карла Бюлера состоит в том, что он в правильном свете представил этот, очевидно, простой и тем не менее столь долго остававшийся незамеченным факт».³⁸ В свете всего вышеизложенного кажется вероятным, что «этот (...) столь долго остававшийся незамеченным факт» был замечен еще во II в. н. э. александрийским грамматиком Аполлоном Дисколом.

Summary

The aim of the paper is to draw attention to the fact that certain features of the definition of the grammatical persons according to the most prominent linguist of classical antiquity Apollonius Dyscolus studiously neglected (as it is clear in comparison with those adopted) in the XIX century linguistics as well as some consequences of the polemical inquiry by Apollonius into the definition of the grammatical persons according to Dionysius Thrax are strikingly similar to a number of “modern” literary and linguistic ideas. Thus, an interpretation of the mentioned polemical inquiry (*De pronomine* p. 19, 1–8) is attempted which, apart from being more suitable to the grammatical structure of the passage (p. 19, 2–5) than that proposed in R. Schneider’s commentary, is correlating with the interpretation of a speech act as having ‘expression — appeal — explication [Ausdruck — Appell — Darstellung]’ functions in K. Bühler’s theory.

---

³⁷Термины Бюлера — Ausdruck, Appell, Darstellung. См.: *Bühler K. Sprachtheorie*: 2te, unveränd. Aufl. Stuttgart, 1965. S. 28.

³⁸*Трубецкой Н. С. Основы фонологии*: 2-е изд. / Пер. с нем. А. А. Холодовича. М., 2000. С. 22.